

ПОНОМАРЕВЫ

СВЯТЫЕ ДЕДЫ

Об Ольге Григорьевне Пономарёвой – внучке двух святых Свердловской епархии, а также дочери известного протоиерея и духовного писателя Григория Пономарёва – я узнал от Анны Георгиевны Малахиной, председателя Сыктывкарской общины потомков священнослужителей. Дело в том, что судьба обоих дедов Ольги – преподобномученика Ардалиона (Пономарёва) и священномученика Сергия Увицкого – связана с нашим северным краем. Отец Сергей родился в селе Хлебниково Вятской губернии, где до поступления в Казанскую Духовную академию воспитывался в семье протоиерея Александра Увицкого, и был заключён в Вишерский концлагерь Пермской области. А отец Ардалион скончался в концлагере Адак на земле Коми. Узнав об этом, Ольга Григорьевна обратилась в Сыктывкарскую и Воркутинскую епархию, чтобы кто-то из священнослужителей отслужил над могилкой святого молебен.

Отец Ардалион похоронен на гражданском кладбище в отдельной могиле. Над его могилкой был установлен столбик с указанием фамилии, имени, отчества и даты смерти. Известно, что такую же табличку с этими сведениями привязали и к ноге почившего преподобномученика. В настоящее время поселения Адак уже нет, но Ольга надеется, что ещё можно найти могилку её деда. Сама она в преклонном возрасте, болеет и приехать на поиски деда не может.

Два известных священнических рода Увицких и Пономарёвых, долгие годы до этого дружившие между собой семьями, породнились, когда Григорий и Нина, будущие родители Ольги, сыграли свадьбу в 1936 году – в период самых ожесточённых репрессий на священнослужителей. «Свадьба была светлой и радостной,

– пишет в своей книге Ольга Григорьевна. – Съехались немногие родные, но было много улыбок и тёплых поздравлений. А какой это был замечательный день! Переливаясь всеми цветами золота, бронзы и пурпура, деревья при ветре осыпали молодых дождём из листьев. Небо, какое бывает только осенью в редкие солнечные дни октября, глубокое, почти синее, подчёркивало красоту этого блистающего дня, одного из последних перед наступлением ненастья». Несмотря на последовавшие за этим аресты (почти сразу же после свадьбы арестовали архим. Ардалиона, а через год и самого о. Григория, который провёл в тюрьмах 15 лет) родители Ольги прожили долгую жизнь в большой любви друг к другу и к Богу, и умерли, как в доброй сказке, в один день: матушка Нина в два часа ночи, а отец Григорий под утро, пережив свою супругу всего на два часа. Было это в 1997 году.

Последние годы Ольга жила со своими родителями и после их кончины написала об их удивительной жизни, а также о своих дедах две книги – «Во Имя Твое...» и «Исповедник веры». Несколько страниц из них мы печатаем в этом выпуске под рубрикой «Вертоград». Но прежде чем их прочитать и увидеть, как начинался исповеднический подвиг, стоит познакомиться поближе с этими людьми. Ниже приводим некоторые эпизоды из их жизни.

* * *

Революция застала семью будущего священномученика Сергия Увицкого в городе Камышлове Екатеринбургской епархии, где он был ректором Духовного училища и настоятелем Покровского собора. Арестовали его 10 июля 1920 года. Но прихожане Покровского собора не побоялись вступить за любимого пастыря.

На общем собрании прихода было составлено обращение к

властям, в котором просили освободить отца Сергия. Однако батюшку приговорили к бессрочному заключению в концлагере. По случаю третьей годовщины Октябрьской революции заключённым была объявлена амнистия, и в 1921 году о. Сергия выпустили на свободу.

После освобождения он служил в Успенском соборе города Екатеринбурга. В качестве псаломщика помогал ему сын Михаил, который позже вспоминал, что все домочадцы тогда «до ужаса голодали».

По просьбе верующих села Меркушино Верхотурского уезда в конце 1921 года батюшку перевели служить в храм Святого праведного Симеона Верхотурского. В это время здесь было изобилие продовольствия: хлеба, кедровых орехов, ягод, рыбы. Все дети о. Сергия вспоминают те три года, когда жили в Меркушино, как счастливое и сытое время, когда они не только сами не бедствовали, но ещё и другим помогали. Каждый день в Меркушино из разных мест приходили толпы голодающих, и добросердечные местные жители их подкармливали.

В 1924 году ради обучения своих детей семья Увицких переехала в Нижний Тагил, но власти не допустили детей священника в советскую школу. Батюшке пришлось искать частных педагогов. Служил он вначале в Введенской церкви, но вскоре этот храм захватили обновленцы и о. Сергей перешёл служить в «тихоновский» Выйско-Никольский собор и был возведён в сан протоиерея. В этом богатейшем храме, построенном купцами Демидовыми, была их родовая усыпальница. Когда в 1922 году началась кампания по изъятию церковных ценностей, из Выйско-Никольского собора было вынесено 99,5 килограммов серебра. Вскоре и этот собор перешёл к обновленцам. Но, как благочинному, активно борющемуся с раскольниками, о. Сергию удалось отстоять многие храмы в своём церковном округе.

Когда в 1929 году Выйско-Никольскую церковь, где он тогда служил, хотели закрыть, отец Сергей стал призывать прихожан к усиленной молитве, посту, убеждал чаще исповедоваться и причащаться – в первую очередь обращаться за помощью к Богу, чтобы храм не закрывали. Но одновременно он благословил писать обращения и к властям. 10 февраля 1930 года батюшку арестовали. В преступление вменялось, что он «несмотря на мясоед, ввёл в церкви посты и исповеди. Проводить богослужения начали каждый день... За каждым богослужением в течение часа говорит проповеди. В проповедях говорит из Евангелия, которое сравнивает с современной жизнью, поэтому они носят антисоветский характер... Увицкий своими большими ораторскими способностями привлекает большое количество верующих... Он возбуждает верующую массу против коммунистов, не признающих учения Христова, и тем самым подрывает авторитет советской власти».

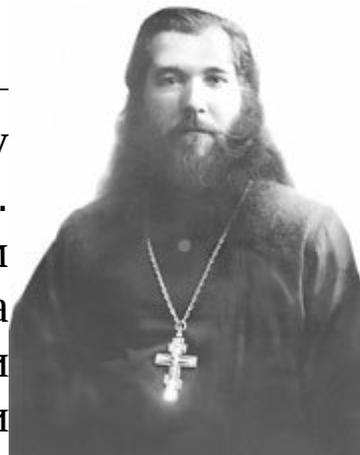
В ответ на эти обвинения батюшка написал заявление, в котором убедительно доказывал их абсурдность. На допросах он также пытался доказать следователям несостоятельность обвинений и виновным себя не признавал. Однако 16 мая 1930 года на заседании тройки ОГПУ по Уралу о. Сергей был приговорён к пяти годам лагерей. При его крайне слабом здоровье этот приговор был равносителен смертному. Батюшку отправили отбывать срок заключения в Вишерский концлагерь.

Очень тяжело без главы семьи пришлось матушке Павле с малыми детьми. Старших дочерей, как детей «врага народа», уволили с работы. Павла Ивановна дважды ездила к мужу в тюрьму. Осенью 1931 года о. Сергия перевели на строительство Беломорканала. В октябре матушка приехала в этот лагерь. Выхлопотала у властей двухчасовое свидание. Она шла на встречу вдоль колючей проволоки, как вдруг

остановилась, услышав зов: «Павлинька...» Матушка с трудом узнала во встреченном дряхлом старике своего мужа: он весь опух, поседел, еле двигался, хотя ему было тогда чуть больше пятидесяти лет. Матушка заплакала и бросилась к мужу, чтобы обняться, но конвоир грубо оттолкнул её. «Свидание закончено», – сказал он. Это была их последняя встреча. 12 марта 1932 года отца Сергия не стало. Обстоятельства его смерти до сих пор неизвестны. Но Господь не забыл Своего угодника, наградив его золотым венцом. В 2006 году отец Сергей был прославлен в лике святых, как священномученик в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

* * *

Не менее трагична судьба и второго дедушки Ольги Григорьевны – архимандрита Ардалиона, в миру Александра Ипполитовича Пономарёва. Родился он в 1878 году в Верхотурском уезде в семье священника. С детства Александр отличался большими способностями и много читал, изучил три языка. После окончания Пермской Духовной семинарии и рукоположения в сан священника до своего ареста он служил на нескольких приходах Екатеринбургской епархии, немало потрудившись на ниве просвещения. Когда в 1905 году он преподавал Закон Божий в Екатеринбургском Духовном училище, произошла их встреча со всероссийским пастырем Иоанном Кронштадтским, прибывшим в Екатеринбург во время поездки на Урал. Семье Пономарёвых посчастливилось даже принимать всемирно известного батюшку у себя дома. Общение с великим подвижником и его благословение произвели сильное впечатление на всех членов семьи и запомнились на всю жизнь.

Промысл Божий берёг отца Александра, несмотря на его открытое исповедничество, до кровавого 1937 года. Революция застала батюшку в Шадринске, где он исполнял должность уездного миссионера и был директором учительской семинарии. Если бы он остался в этом городе ещё на несколько месяцев, то во время гражданской войны непременно был бы убит вместе с другими священнослужителями Шадринского района, так как гонения на священников там были особенно безжалостны. Но в 1918 году о. Александр переехал в Ревдинский завод и стал настоятелем Михайло-Архангельской церкви. Это обстоятельство, скорее всего, спасло ему жизнь.

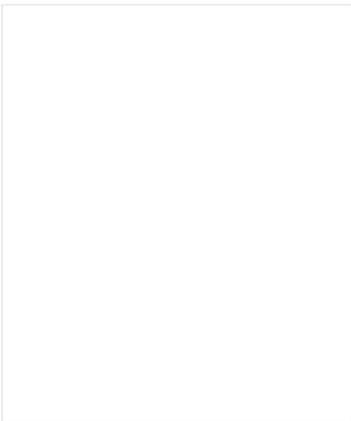
Детям отца Александра (их было у него четверо: Нина, Мария, Алексей и Григорий) учиться в советской школе не пришлось. Отец сам составил для них программу домашнего обучения, сам преподавал не только общеобразовательные предметы, но и вероучительные, воспитывая их в благочестии и страхе Божиим. Лишь по математике, химии и физике нанимал частного учителя.

О том, что дети получили прекрасное образование и воспитание, можно судить по судьбе младшего сына – Григория. Он с четырёх лет охотно помогал отцу прислуживать при храме, затем с 14 лет служил псаломщиком, пел в церковном хоре и хотел, несмотря на репрессии против духовенства, стать священником или монахом. Так и совершилось. Впоследствии отец Григорий прошёл лагеря и ссылки, после которых снова возвратился к служению и нёс нелёгкий подвиг старчества в Курганской епархии. Об этом известном батюшке написано несколько книг. Большой популярностью среди верующих пользуются его произведения «Духовный дневник», «Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской души», «Цветник духовный» и другие.

В страшные годы для Церкви, раздираемой расколами и

гонениями на верующих, о. Александр Пономарёв оставался убеждённым тихоновцем, сохраняя мужество и стойкость настоящего пастыря. Храмы, где он служил, благодаря его мужеству были спасены от захвата обновленцами. Большое горе постигло отца Александра и всю его семью в 1933 году, когда после продолжительной болезни скончалась его матушка Надежда. После её мирной кончины протоиерей Александр принял монашеский постриг с именем Ардалион. В 1934 году, когда Уральская область была уже разделена на Челябинскую, Свердловскую и Обь-Иртышскую, кандидатура игумена Ардалиона была рекомендована местным священством в епископы обезглавленной Челябинской епархии. В Москве митрополитом Сергием он был возведён в сан архимандрита и фактически до своего ареста исполнял обязанности епископа, оставаясь настоятелем Вознесенского прихода посёлка Кислинский завод.

Арестовали его 4 января 1937 года как участника сфабрикованной самими энкавэдэшниками некоей «Организации жёсткой борьбы с большевиками». В её состав было записано 124 человека. Несмотря на жестокие пытки и мучения, из-за которых многие подписали «признательные показания», оговорив себя и других, отец Ардалион упорно не признавал своей вины. Вот как об этих пытках позднее рассказывали сами работники НКВД: «В комнату заводили по 90 человек, делили их по 30 человек и ставили на колени по ту и другую сторону. В таком положении держали по 5-7 суток, не давая им вставать, добивались признания. Если арестованный не признавался на стойке, то его брали за ноги и ставили вниз головой, держали, пока не признается. Брали за голову и гнули...»

Архимандрит
Ардалион в
тюрьме. Фото
из
следственного
дела.

Следствие длилось полгода. 13 июля 1937 года был объявлен приговор – пять лет ИТЛ. Вначале отец Ардалион попал в пересыльный лагерь города Котласа Архангельской области, который среди заключённых пользовался дурной славой. В каждом бараке-землянке, длиной 15 метров и шириной 6 метров, размещалось от 180 до 250 человек. Под двух-трёхъярусными нарами зимой постоянно лежал снег, температура редко поднималась выше четырёх градусов. Внутри были ужасная антисанитария и грязь, так что даже проверочная комиссия, обычно закрывающая глаза на подобные факты, вынуждена была признать, что «состояние барачников таково, что они не только не могут удовлетворить элементарным требованиям человеческого жилья, они даже не соответствовали бы как помещения для скота». В таких ужасных условиях быстро распространялись инфекционные заболевания. Люди умирали десятками в день, так что их даже не успевали хоронить. А хоронили в больших ямах, куда сбрасывали трупы, и пока яма не становилась полной, её не закапывали.

Летом 1937 года отца Ардалиона перевели в Воркутинский концлагерь. Проведя 11 месяцев в

невыносимых условиях, 29 июля 1938 года батюшка умер от истощения в стационаре лагерного пункта Адак.

Многое пришлось испытать и его сыну – священнику Григорию Пономарёву. (Об этом читайте на следующей странице.)

Е. СУВОРОВ

ВО ИМЯ ТВОЕ

О судьбе священника и исповедника Григория Пономарёва
За книгу об уральских новомучениках «Во имя Твое»
Ольга Пономарёва и Елена Кибирева были награждены патриаршими наградами – медалями святого Преподобного Сергия Радонежского I степени. Предлагаем вниманию читателей только небольшую часть воспоминаний Ольги Григорьевны о своём отце – заслуженном протоиерее и известном духовном писателе Григории Пономарёве. Епископ Курганский и Шадринский Михаил в предисловии к этой книге написал: «Много есть на Руси «неугасимых лампад», в которых вместо елея день и ночь горит любовь пастырей Христовых к Богу и ближним... Таким светильником благочестия явился протоиерей Григорий». Шестнадцать лет провёл о. Григорий на Колыме, но сохранил в себе веру в Господа и бесконечную надежду на Его всемогущую помощь и защиту.

В Лавру на лошадке

Февраль, как всегда в Шадринске, был не столько холодный, сколько ветреный и вьюжный. Небольшой, но известный своими традициями, этот зауральский городок в те времена входил в Челябинскую область.

Протоиерей Александр Пономарёв, настоятель одного из

шадринских храмов, и его супруга Надежда ждали прибавления в семействе. Старшие дети были уже довольно большими: Нине – четырнадцать лет, Марусе – одиннадцать, Алексею – шесть.

Матушка Надежда, словно цветок орхидеи, так же прекрасна и хрупка. Рождения ребёнка ждали с некоторым беспокойством...

В канун праздника святителя Григория Богослова, когда отец Александр уже служил всенощную, матушка, по нездоровью оставшаяся дома, почувствовала приближение родов. Девочки Нина и Маруся побежали за акушеркой, и в ночь на праздник святителя Григория Богослова, 7 февраля 1914 года, родился мальчик. Маленький, но крепкий, он так энергично заявил о своём появлении на свет Божий громким криком, что все окружающие, возблагодарив Господа, поспешили сообщить батюшке, что молитвы его услышаны: матушка Надежда благополучно разрешилась, и у отца Александра теперь появился второй сын. Самочувствие обоих нашли вполне удовлетворительным. Новорождённого в день святого Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, было решено назвать его именем.

Шли годы, малыш рос здоровым и некапризным. Много времени с ним проводили матушка и сёстры. Ребёнок незаметно и органично впитывал в себя интересы и образ жизни семьи. Особенно заметна была для окружающих проявлявшаяся у него любовь к храму. В четыре года маленький Григорий уже помогал отцу Александру.

Позже отец Григорий вспоминал о том, как его спрашивали: «А какие у тебя были игрушки?»

– Да мне и не очень хотелось играть... Вот помню лошадку на палочке. Я хотел доскакать к Руслану и Людмиле, а ещё в Киевскую лавру и в Дивеево...

В пять лет Григорий много уже знал о Господе Иисусе

Христе и Его святых угодниках, знал молитвы и с удовольствием учился читать русские и славянские тексты.

Отца Александра вскоре перевели в Екатеринбург, где он служил в большом соборе, стоявшем на месте нынешнего Дворца культуры Визовского завода. Семья переехала вместе с ним. Хорошо, что девочки стали уже совсем взрослыми. Они оказались хорошими помощницами матушке, которая старалась не показывать свою слабость и тающее здоровье.

Вот и Нина уже невеста, и Маруся так повзрослела... Дай им, Господи, счастливой жизни! Алёша вытянулся и стал похож на отца, а Гриша... Это какой-то странный ребёнок! Ни детских капризов, ни особых шалостей. Всё больше бывал с папой в храме, и как-то незаметно выяснилось, что он уже умеет читать по-церковнославянски и образцово знает порядок службы. Все окружающие, и особенно соседи, полюбили этого не по возрасту серьёзного синеглазого мальчонку.

«Именем Господа, остановись!»

Первое горе, поразившее сердце Гриши, – смерть их соседа дяди Семёна, который очень любил общаться с мальчиком, часто что-то рассказывал, вырезал ему из дерева забавных медвежат и зайчиков. Тётя Катя, его жена, всегда старалась угостить Гришу чем-нибудь вкусным.

Теперь тётю Катю узнать было невозможно: всё плачет и плачет. Часто ходит на Ивановское кладбище, где похоронили дядю Семёна; почти ни с кем не разговаривает и, исчезая на весь день, совсем редко бывает дома. Беспokoился отец Александр: Катерина, буквально всё забыв, не бывает даже в церкви, а всё сидит или даже лежит на могиле мужа.

Прошло время. Вот и сорок дней миновало. Поздняя угрюмая уральская осень овладевает всем. Но Катерину этим не проймёшь. С утра уходит и возвращается уже в

сумерки, вся заплаканная и измученная... Так наступил один из последних дней осени, когда ещё нет снега, но первые морозы уже прихватили землю.

Однажды поздним вечером, когда батюшка пришёл со службы, он заметил, что окна соседнего дома, где живёт Екатерина, темны. Где она? Родители переглядываются с беспокойством, да и маленький Григорий переживает что-то своё, непонятное... Они видят, как мальчик встаёт на колени в передний угол перед иконами. И вдруг – как крик души: «Папочка, родненький! Скорей запрягай жеребчика! Давай, давай поедем! Надо спасти тётю Катю!» Отец Александр и сам чувствует, что такое долгое отсутствие соседки не случайно. Но куда ехать? Где искать?.. Мальчик почти кричит:

– Давай быстрее, тётя Катя может погибнуть!..

Отец Александр посадил уже одевшегося Гришу в повозку, сел сам и направился на кладбище Ивановской церкви, где почти «поселилась» Катерина.

– Не туда, папочка, не туда! Скорее езжай за Широкую речку, на болота. Скорее, ну скорее же!

Невольно повинувшись внутренней силе и убеждённости своего пятилетнего сынишки, батюшка направляет лошадь в нужную сторону. Вот уже не видно и последних городских огоньков, миновали и новое Широкореченское кладбище. Дорога, отвердевшая от холодов, позволяет легко двигаться по болотистой местности. Ничего не видно, почти ничего. В душу медленно заползает леденящий ужас. Батюшка не перестаёт творить Иисусову молитву.

Отдельные, исхлёстанные ветром кусты, корявые пни, омертвевшая зыбь... И вдруг вдали какое-то движение. Или это рябит в уставших глазах? Гриша стоит и дышит в ухо отцу: «Вот-вот, вот же она... Или они?» Он делает странное судорожное телодвижение и жмётся к отцу. Жеребчик неожиданно храпит и упирается. На фоне почти

стемневшего неба по застывшей земле без дороги движутся две фигуры. Один силуэт женский: в платке и коротком жакете (очень знакомая фигура)... А второй? Широкий, приземистый контур прикрывает собой Екатерину. Идут... Идут в темень, в неизвестность, в никуда...

И тут Гриша своим звонким детским голоском неожиданно даже для отца Александра закричал:

– Тётя Катерина! Тётенька Катя! Остановись! Господом Богом нашим Иисусом Христом тебя прошу!

И... о чудо! Внезапная вспышка света, широкая мужская фигура исчезает, и вконец испуганная, рыдающая Катерина подбегает к возочку отца Александра. Увидев его и Гришу, она падает в ноги мальчику и священнику. Бледная, со следами смертельной белизны в лице, она целует Гришу, целует руки батюшки Александра и не может вымолвить ни слова. Её только бьёт дрожь и содрогает икота от нервных спазматических рыданий. Вот такую они и привозят её домой. Матушка Надежда оказала ей первую помощь, и наконец пришедшая в себя женщина рассказала:

– Я уже с неделю или чуть больше стала замечать: стоит только свечереть, как к Семёновой могиле подходит этот мужик. Такой вежливый, участливый. Меня всё утешает и как-то мудрёно говорит, а мне вроде и легче становится. Я последние дни стала даже ждать, что он подойдёт. Сегодня он пришёл опять и всё говорил, говорил... Я чувствую, темнеет уже, пора возвращаться, и вдруг слышу его слова: «Ну, пора, Катерина, пойдём». И я как неживая, послушная ему, иду, куда он ведёт, хотя чувствую, что вроде совсем из города выходим, да и ноги не идут, а воли моей нет! И только думаю: имя-то моё откуда он знает? Мы уже к болоту подошли. Огней городских не видно... А он всё говорит и говорит, и я иду за ним как по приказу. И тут крик Гришеньки! Его ангельский голосок: «Тётя Катерина! Ради Господа нашего Иисуса Христа, остановись!» Как

только он прокричал Имя Господа, этот мой спутник вдруг остановился как вкопанный, что-то сверкнуло и... его разорвало! И дух такой зловонный пошёл.

Она вновь содрогается от воспоминаний. Сильно переболев, Катерина, по молитвам всей семьи Пономарёвых, пришла в себя. Она осознала, что, заведи её бес в болотные дебри, погибла бы её христианская душа, если бы не бесконечная милость Господа, вложившего в ум, сердце и уста маленького мальчика её спасение. Как поддалась она на бесовские уловки? Вместо того чтобы молиться в храме за упокой души мужа, заказать сорокоуст и читать Псалтирь, она лежала в каком-то отупении на его могиле и чуть не стала лёгкой добычей дьявола. Спас её Гриша, её любимец, сынок протоиерея Александра Пономарёва, мальчик, которому Господь определил многое совершить в жизни.

Взросление

Годы шли... Гришеньку уже называли Гришей, Григорием. Учиться в школе он не имел возможности – после революции детей духовенства не принимали в школы. Тогда отец Александр, блестяще образованный человек (он имел два высших образования: медицинское и духовное), составил план обучения сыновей, в который входили и общеобразовательные дисциплины, и духовное образование. Только на уроки по математике, химии и физике мальчики ходили к частному преподавателю.

Григорий
Пономарёв и
Нина Увицкая
за год до
венчания

Григорий очень серьёзно и углублённо стал изучать полный курс Духовной семинарии, одновременно помогая отцу в церкви: знание церковной службы выручало. Лет в тринадцать-четырнадцать он уже мог участвовать в службе в качестве псаломщика и, если надо, сам пел в хоре. Правда, голос, ещё не прошедший мутацию, иногда давал срыв, к его великому смущению, и вызывал милые смешочки девочек Увицких – Ольги и Нины, которые пели в хоре этого же храма.

Ох уж эта Нина – Ниночка Увицкая! Тоненькая, сероглазая, она не выходила у него из головы. Они ведь знали друг друга ещё малышами, затем знакомство на время прервалось, и вот теперь они, уже подростки, познакомились, можно сказать, вновь.

К шестнадцати годам Григорий твёрдо знал, что его жизнь и труды должны быть связаны с Православной Церковью. Если Господь сочтёт его достойным, он будет служителем Церкви. Где-то ещё присутствовала далёкая мысль, появившаяся в детстве, – уйти в монастырь, стать

монахом. Этот духовный подвиг неудержимо привлекал к себе юношу. Но вот Ниночка! Много раздумий, колебаний... В конце концов, он же не знает, как она к нему относится...

«Пусть всё будет по воле Твоей, Господи!»

Прошло ещё несколько беспокойных лет. Революция ломает планы, намерения людей. Девочки Пономарёвы первыми покинули родное гнездо. Сначала старшая – Нина, а потом и Мария.

В 1929 году, согласно прошению и по благословению Преосвященного епископа Шадринского Валериана, Григорий Пономарёв становится псаломщиком, чтобы служить вместе с отцом в различных храмах Екатеринбургской епархии.

Время пришло беспокойное, постоянно что-то менялось в жизни, поэтому их часто переводили с прихода на приход. В 1932 году они жили в городе Невьянске Свердловской области и служили в маленькой Вознесенской кладбищенской церкви, единственной действующей в городе, стоявшей на берегу пруда. Невьянск – тихий, спокойный, провинциальный городок, у которого есть своя достопримечательность – падающая башня. Эта башня была построена ещё промышленниками Демидовыми на железодельном заводе (как тогда его называли) и располагалась недалеко от пруда. Очевидно, грунтовые воды подмыли тяжёлое сооружение, но оно не рухнуло, а лишь наклонилось да и осталось таким до нынешних времён.

Духовный рост Григория шёл очень быстро. В юные годы это был уже сложившийся молодой человек, имеющий свои замыслы, цели, задачи. Он много читал, стол его был заложен трудами Василия Великого, Григория Богослова, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского. Он не только умом, но и душою проник в Библию и много почерпнул из неё, духовно осознавая святость и величие

этой Богоданной Книги.

Заточение

В мокром палисаднике хозяйничала осень. Холодными ночами и утренними заморозками она подбирала забытые ею разноцветные опавшие листья, сворачивая их в серые скучные трубочки, гасила последние живые краски в пожухлой траве, постукивала ночами оторвавшимся на крыше железом, жалобно подпевала у печной заслонки, словно предупреждая: «Это только начало...»

Конец лета и осень 1937 года для молодой семьи Пономарёвых выдались особенно напряжёнными. Сердце матушки Нины больно сжималось от тягостных предчувствий. События чередовались с такой быстротой, что трудно было реагировать на них адекватно. Радость и горе смешались вместе. С одной стороны – горечь по поводу повальных арестов близких людей, а с другой – рукоположение псаломщика Григория Пономарёва в сан диакона. Ко всему пережитому добавилась новая радость: у молодой четы родилась дочка – маленькая Лёля. Ольга – семейное имя и Увицких, и Пономарёвых, и теперь в роду появилась ещё одна Ольга.

Волна арестов нарастала повсеместно. Вот уже чёрное крыло беды накрыло и Вознесенскую церковь в Невьянске. Арестовали и куда-то увели настоятеля храма, благочинного невянских церквей протоиерея Григория Ивановича Лобанова и священника Леонида Михайловича Коровина. Увели Николая Ивановича Иванова – протодиакона этой же церкви, а вскоре пришли за казначеем храма Ведуновым Иваном Ивановичем и секретарём Церковного совета Уткиной Анной Васильевной.

Все понимали, что эти аресты не последние.

Недоверие и страх грозной тучей нависли над верующими. Члены Церковного совета и прихожане

Вознесенского храма боялись поднять друг на друга глаза, боялись сказать лишнее слово...

И вот 30 октября 1937 года два оперуполномоченных УНКВД Кировского района вместе с понятыми пришли в дом диакона Вознесенского храма Григория Пономарёва... Грубые окрики, угрозы, требование заполнить анкету, обыск, опись изъятия...

– Одевайся... Пойдешь с нами.

– В чём меня обвиняют?

– Узнаешь, когда надо, – оскалился уполномоченный. – Разговорился тут! Ну, живо собирайся... – и с нахальной улыбочкой добавил: – Распишись, что изъято при обыске. У нас власть справедливая...

Григорию протянули протокол обыска. Последнее, что видел и слышал отец Григорий, выходя из дома, – белое как мел лицо жены и... детский плач из бельевой корзины, служившей кроваткой их малышке.

В глазах Ниночки застыло страдание.

Всё... Дверь в родной дом захлопнулась для него на многие годы, и он пока ещё не знает, как долго будет лишён его тепла и уюта; не знает и того, сколько страданий, ужасов и потерь придётся ему претерпеть в этом новом для него жизненном испытании.

Ведь ему было всего лишь 23 года!

А пока он шагает под конвоем двух «пролетариев» в разнопёстром одеянии: наполовину штатском, наполовину военном. Они пытаются казаться значительными – так напыщенны их физиономии. Как же – слуги закона! Он зябко ёжится от холодных порывов сырого осеннего ветра, проникающего под старенькое, изношенное пальто. На нём чиненные-перечиненные ботинки – летние штиблеты, которые он, выходя под конвоем из дома, надел второпях.

Он идёт, твердя Иисусову молитву.

Здание НКВД стоит прямо напротив знаменитой

наклонной башни демидовской постройки и Спасо-Преображенского собора, колокольня которого совсем недавно снесена. Священнослужители собора ещё в 1918 году были зверски убиты большевиками.

Лязгнули многочисленные замки и затворы, и его без объяснения втолкнули в огромный полуподвал с низким выщербленным потолком. Помещение заполнено арестованными людьми. Горит какой-то изнуряющий, бьющий прямо по глазам пронзительный свет. Этот свет потом ещё долго будет мучить его в воспоминаниях и даже преследовать в сновидениях.

В глухом тюремном подвале с липкими запотевшими стенами невыносимо душно. Отец Григорий оглянулся. Всюду, как ему показалось, злобные, затравленные взгляды. На некоторых лицах – откровенное злорадство.

Кажется, из знакомых никого нет. Он-то думал, что увидит, быть может, своих из храма, кого увели раньше его, и ситуация хоть как-то прояснится. Среди невянцев уже целый месяц ходила зловещая новость, что Лобанова и Коровина расстреляли...

Стараясь унять дрожь, отец Григорий приткнулся где-то у стены. Что всего ужасней – каждый, кто оказался здесь, был замкнут на своей личной беде и переживал только за себя! Это первое, что было понятно, глядя на человека. Ты никому не нужен в этом кругу несчастных людей, оглушённых собственным горем, и никому нет до тебя никакого дела. Если к тебе подойдут и ударят и если даже будут убивать, никто из сокамерников не шелохнётся. В таком скопище людей, где одновременно томятся самые отпетые преступники и совершенно безвинные страдальцы, отстранённость и самоизоляция от всего происходящего в камере – это способ защитить себя. Каждый, кто попадал сюда, сжимался как улитка в своей раковине. Позднее батюшка ещё много раз будет сталкиваться с таким

поведением людей и в лагере, и на воле.

«Господи, помоги и не оставь меня, грешного!..»

Он потерял ощущение реального времени. Часы, проведённые в подвале НКВД, казались ему вечностью. Он страдал как за свою семью, так и за собратьев по алтарю и членов церковного совета, арестованных почти одновременно с ним. Его драные летние ботинки, застывшие от холода, издавали громкий стук при ходьбе по чугунным плитам камеры.

Но вот что-то новое! К нему, явно к нему, пробивается какой-то помятый субъект с крысиной физиономией. У субъекта – маленькие, бегающие глазки.

– Ты ведь Пономарёв? Григорий? Из кладбищенской церкви?..

– ???

– Я-то по другому делу тут, но знаю, что ваших тут мно-о-о-го, – как-то нарочито протянул он. – Они в разных камерах. Признались уже все...

– В чём признались-то? И от меня тебе что надо?

– Так ведь... если запираешься будешь и не признаешься, то убьют твоих-то. Бабу и девчонку... – крысиный субъект сделал какое-то отвратительное движение по горлу. – Убьют их... Найдут и убьют. Тагил не Китай... – и вновь это жуткое движение по горлу и омерзительный то ли смех, то ли икание.

«Слава Тебе, Господи! Как хорошо, что Ниночка с дочуркой успели уехать в Нижний Тагил!»

Неосознанно, но эта «подсадная утка»-провокаатор дал хоть какую-то информацию о родных.

«Да, конечно, Тагил не Китай, – думал отец Григорий, – и если надо, то и в Тагиле найдут. Но главное, что они, мои родные, живы».

День сменялся ночью, ночь – днём. Ничего пока не происходило, если не считать, что ещё дважды приходил

этот лысый с крысиной мордой и каждый раз рассказывал, какие ужасы следователи проделывают с родными арестованных, которые не признаются и не подписывают следовательские протоколы...

– Попы твои всё подписали. Они давно на свободе и водку трескают...

От крысиных глазок стукача невозможно было укрыться. Он, как настырная навозная муха, всё время что-то жужжал отцу Григорию в ухо, из его прокуренного рта несло отвратительным смрадом...

«Живы будете»

«Сети нечестивых окружили меня, но я не забывал закона Твоего» (Пс. 118, 61).

Как-то вечером отец Григорий, сидя на камерных нарах, в который раз с тревогой задумался о судьбе своих близких и родных. Он уже прошептал наизусть вечернее правило, как вдруг его вызвали на допрос. Продержав Пономарёва две недели в подвале, следователь РОНКВД Чепарухин решил наконец допросить и его. Собственно, допрос – это названо очень условно. В протоколе следователь сам напишет всё, что необходимо для «нужного хода дела», а Пономарёв... Главное – сломать его любой ценой.

Допрос происходил в зарешечённой комнате.

На допрашиваемого направляли огромный рефлектор, слепящий глаза, в то время как самого следователя не было видно, лишь слышался откуда-то из угла комнаты его леденящий голос.

Допрос вёлся непрерывно с 10 часов утра до 5 вечера, а затем с 8 часов вечера до 3 ночи. При этом арестованному не разрешали не только присесть, но даже подержаться за спинку стула...

После выяснения формальных анкетных данных следователь стал задавать отцу Григорию вопросы про какую-то монархическую фашистскую организацию, в

которой он, Пономарёв, якобы состоял, а впоследствии был её руководителем. Но позднее руководителем «оказался» уже не он, а настоятель Вознесенской церкви протоиерей Григорий Лобанов, а Пономарёв, завербованный им, – всего лишь несчастный исполнитель диверсионных акций.

«Какие фашисты? Да это настоящий бред...» – думал отец Григорий

– Знаете ли вы Лобанова, Коровина, Иванова? Являлись ли они участниками контрреволюционной организации?

– Они никогда ничего не высказывали против советской власти и коммунистической партии, – твёрдым голосом ответил отец Григорий.

За ночь следователь часто отлучался. Видимо, отдыхал. А арестованному Пономарёву охрана всё это время запрещала даже прислониться к стоящему рядом с ним стулу. Утром допрос продолжился снова, теперь уже «с пристрастием», как признавались позднее сами следователи.

– Читай, – Чепарухин суёт допрашиваемому какую-то бумажку, сам зачитывает её вслух:

«...О принадлежности к контрреволюционной церковной повстанческой организации, мною, Лобановым, возглавляемой в г. Невьянске, и лично мною вовлечённым является... псаломщик Пономарёв Григорий Александрович. Будучи вовлечённым в организацию, на протяжении непродолжительного срока пребывания в составе контрреволюционной организации проводил под видом религиозных бесед о душе и загробной жизни контрреволюционную агитацию» (из документов областного гос. архива. – *Авт.*).

Образ Григория Ивановича Лобанова, настоятеля той церкви, в которой служил и он, диакон Пономарёв, незримо предстал перед его взором.

Отец
Григорий
Пономарёв
через год
после
возвращени
я из
лагерей,
50-е годы

Лобанова арестовали первым из числа служителей Вознесенского храма. Пономарёв был уверен, что Лобанов честный и глубоко порядочный человек. Именно он, отец настоятель, рекомендовал псаломщика Григория Пономарёва для посвящения в сан диакона, и именно он венчал их с Ниночкой перед престолом Божиим в Вознесенской церкви в 1936 году.

А теперь следователи заставляют его дать на Лобанова признательные показания. Зачем? Ведь Лобанова и Коровина расстреляли месяц назад! Но сатанинская паутина опутывала людей с таким расчётом, чтобы они никогда не смогли отмыться от ложных обвинений в предательстве.

Отец Григорий тяжёлым взглядом окинул оперуполномоченного. Он недоумевал: зачем следователь тратит столько времени и сил, задавая какие-то вопросы, ведь всё равно в протоколе он напишет то, что Пономарёв никогда не говорил?

Допрос длится уже более 12 часов, но вопросы повторяются практически одни и те же... Физические силы

отца Григория тают. Условия содержания заключённых в подвалах НКВД не связаны с каким-то человеческим состраданием. К тому же отец Григорий сильно простужен и его постоянно сотрясает озноб. У него явно высокая температура, но это никого не интересует, и только нервное напряжение не даёт ему свалиться с ног прямо на допросе. Он почти не слышит вопросов, его беспокоят мучительные мысли о членах церковного совета, о которых его постоянно допрашивают, требуя наговоров. Как они там? Держатся ли? К тому же следователь сообщает, что все они давно уже дали на него, Пономарёва, признательные показания.

– А ты чего медлишь? – язвительно вкручивает уполномоченный.

Но отец Григорий молчит... Он помнит слова, подчёркнутые в маленьком Евангелии архимандрита Ардалиона как будто специально для него: «Если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете... Потому что вы не приняли духа рабства» (Рим. 8, 13-15).

ВОРКУТА

Свыше 25 процентов всех заключенных страны прошло через лагеря в Коми крае. Среди них было много священников. В начале их просто ссылали сюда на поселение. А затем стали отправлять в лагеря на мученическую смерть. Вся Республика Коми покрылась густой сетью ГУЛАГа. В 1932 году, готовясь к празднованию двадцатой годовщины революции, советская власть издала декрет, согласно которому к 1 мая 1937 года имя Бога не должно было даже произноситься на территории СССР. Снова начались аресты и отстрелы священнослужителей. Вот один только пример. Весной 1933 года в Сысольском районе Коми АССР были арестованы (по ложному и весьма распространенному обвинению: “свержение советской власти путем вооруженного восстания...”) следующие

священнослужители:

1. Белокопыльский Н.А., 1878 г.р., русский, уроженец Воронежской области.
2. Лапенко В.Ф., 1878 г.р., белорус, уроженец Белорусской ССР.
3. Никифоровский С.В., 1874 г.р., русский, уроженец Псковской области.
4. Мустюлев Г.И., 1892 г.р., русский, уроженец Брянской области.
5. Попов Н.В., 1888 г.р., русский, уроженец Харьковской области.
6. Захаров М.И., 1882 г.р., русский, уроженец Архангельска.
7. Русаков Т.Н., 1875 г.р., русский, уроженец Брянской области.

Трижды водили на расстрел священника Бориса (Савинова Бориса Александровича). Вот как это было. Беда пришла в большую и дружную семью Савиновых. Сначала сослали на Соловки деда - священника Иоанна. В 1935 году расстреляли отца Бориса Александровича - священника Александра. А в 1937 году попал в подвал тюрьмы и сам священник Борис.

Глубокой ночью лязгало железо и грубым голосом приказывали: "Савинов, на выход!". "Воронок" вез его на кладбище, где на краю ямы священника Бориса заставляли раздеваться. А мороз был за тридцать градусов...

К затылку подносили наган. Отец Борис чувствовал ледяной душой холод металла - дуло пистолета, упирившегося в его затылок. "Отрекайся от Бога или расстреляем!" И выстрелы за спиной. Пока в воздух. "Ты должен в церкви публично отречься от Бога, заявить, что ошибался, что Бога нет!" И снова выстрелы.

Продержав священника Бориса несколько часов на морозе, везли его окоченевшего, в полубессознательном состоянии, снова в холодный подвал тюрьмы. И так трижды...

Начавшаяся в 1941 году война на некоторое время приостановила разгул сталинских репрессий, вопиющего беспредела. По данным архива МВД Воркуты и Ухты после окончания войны репрессии возобновились с новой силой. Среди тех служителей Бога, которые пополнили лагеря ГУЛАГа Коми АССР в послевоенное время, был и священник Куценко Захар Семенович. Я хочу подробнее рассказать о его судьбе. Родился он в 1899 году в селе Литвиновка Дымеровского района Киевской области в крестьянской семье. Отец его работал кузнецом. Богомольные бабушка и мать, идя на богослужение в храм, всегда брали с собой Захарку. После окончания школы он поступает в духовную семинарию и в 1921 году получает сан священника, начинает служить в Дымеровском храме. Прихожане любили доброго пастыря. К нему приходили верующие со своими бедами, горестями и печалью. И отец Захарий всегда старался им помочь, чем мог. Шестнадцать лет прослужил священник Захарий в Дымеровском храме, на своей родине. В 1937 году Дымеровский храм закрыли, а затем и разрушили.

В 1941 году на оккупированной территории немцы разрешили открывать церкви и проводить богослужения. Священник Захарий стал служить в Преображенском храме в городе Белая Церковь. Как и до войны, к доброму, милосердному пастырю снова потянулись люди, которые теперь-то еще больше нуждались в помощи и поддержке.

В 1943 году Белую Церковь освободили от немцев, а в 1945 году священника Захария арестовали. Военный трибунал Киевского военного округа приговорил Куценко Захара Семеновича по статье 54-1а к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества. В архивных документах МВД Воркуты на Куценко З.С. в графе "категория преступности" написано: "немецкий шпион". Вся-то и вина его, что не уехал на Запад с немцами,

а остался, по догадке НКВД, “шпионить”. И кому теперь докажешь, что не уехал и остался на родной земле пастырь потому, что не чувствовал, не знал за собой вины ни перед Родиной, ни перед народом.

В Киеве “опасного преступника” посадили в вагон с решетками на окнах и под усиленной охраной повезли через всю страну в Сибирь. В Красноярск о.Захария привезли поздней осенью. Навигация на Енисее уже закончилась, так что единственный путь в особорежимный Заполярный Горлаг, в Норильск по Енисею был закрыт до весны. И номерного ЗЭКа Захария Куценко оставили в Красноярском ГУЛАГе (Краслаг), отправили на лесоповал. Голод, сибирские морозы до сорока градусов, непосильный труд сделали свое дело. В декабре 1945 года о.Захарий тяжело заболел. Гулаговская медкомиссия диагностировала тяжелые заболевания самых важных органов сердца, почек, сосудов, легких, желудка, дала ему инвалидность второй группы и четвертую категорию к труду. 29 ноября 1946 года заключенный Куценко, будучи тяжело больным, пишет прошение в МВД Краслага перевести его в другой лагерь, находящийся в местности с более теплым климатом. В виду того, что все болезни у него резко обострились от сибирских морозов. Отец Захарий просто задохнулся от сибирских морозов, т.к. у него была астма и больные легкие. Но прошение его не удовлетворили. Находясь в лагерях Краслага, о.Захарий думал, что хуже, тяжелее, чем здесь, уже никогда не может быть. Но он ошибался.

Близился к концу 1949 год. Прошло уже четыре года мучений о.Захария в лагерях Сибири. И однажды, когда он вконец измученный лежал на нарах в холодном бараке, его вызвали “с вещами”. Зэк обрадовался. Он подумал, что наконец-то вняли его просьбам и мольбам, его переводят в другую местность с теплым климатом.

Священника посадили в товарный вагон и повезли. Но

увы... Его везли не туда, где тепло. Это почувствовал о.Захарий, когда спустя несколько дней, очнувшись утром, не смог оторвать примерзшую за ночь к полу вагона одежду... Поезд вез его на Крайний Север, в Коми АССР. 30 ноября 1949 года номерной зэк Куценко прибыл в новый пункт назначения - поселок Абезь.

Пургой и морозом под сорок градусов встретила его Абезь. Зима в тот год была ранняя и очень суровая. Неимоверно тяжело было всем заключенным в лагерях. И все же труднее всех было священнослужителям. Издевательства, насмешки подстерегали их на каждом шагу. Когда священников спрашивали, за что они сидят, они смиренно отвечали:

“Страдаем за веру Христову”. Начальству это не нравилось. Полагалось называть статью уголовного кодекса.

Абезь, как и Воркута, известна своим исключительно суровым климатом:

морозы свыше сорока градусов, пурги, сильные ветры, долгие полярные ночи. Лагеря Абези и Воркуты “славились” своим свирепым режимом, непосильным трудом, голодным пайком, цынгой. Если к этому добавить вопиющие факты издевательства над заключенными неисчислимого лагерного начальства, переполненность бараков, нехватку воды и тепла, плохое медицинское обслуживание... “Крематорием” прозвали Абезь заключенные. Из этой ледяной каторги возвращались немногие.

Потекли тяжелые лагерные будни. Однажды, хмурым морозным утром 29 сентября 1950 года больной, обессиленный Захарий не смог подняться с нар, чтобы идти на работу. Резко обострились все болезни. В последнее время ноги у него так отекали и опухли, что приходилось даже разрезать “обувку”, чтобы снять ее с ног. Ворвавшись в барак вохровцы сбросили о.Захария с нар и избили его. А затем потащили в штрафной изолятор. “Адом в аду”

называли заключенные это место.

“Пять суток ареста с заключением в штрафной изолятор”, - таков был неумолимый приговор больному, умирающему священнику... Очнулся о.Захарий от страшного холода, который пронизывал все его тело. Огляделся вокруг. На стенах камеры, насквозь промерзших, - толстый слой изморози. По углам камеры - наледь. Заключенный в камере ШИЗО (шириной четыре шага) не должен был ни сидеть, ни лежать, а только подпрыгивать, чтобы окончательно не заоченеть. Священник понял, что его бросили сюда умирать. “Вот и пришел конец”, - обрадовался он. Посиневшие, бескровные губы шептали молитву: “Господи, прости их, бо не ведают, что творят...”

Каждое слово молитвы давалось ему с трудом. Каждое движение причиняло боль. Временами он терял сознание. Превозмогая муки, пять суток о.Захарий творил молитвы, взывая ко Всевышнему. Когда через пять суток явились вохровцы, чтобы отнести тело в морг, то к великому своему удивлению обнаружили, что в истощенном, высохшем о.Захарии все еще теплилась жизнь... Вохровцы никак не могли понять, каким чудом зэк остался жив, пролежав пять суток в каменном мешке на ледяном полу, больной и голодный. Другие всегда отправлялись на номерное кладбище. А этот “доходяга”, пройдя через все круги ада, еще жив...

Им, слугам дьявола, не дано было уразуметь, каким образом совершилось такое невероятное чудо. Свет усердных молитв, обращенных к Богу, согрел душу и тело священника.

“...Заключенный Куценко З.С. все осознал (непонятно, что “все осознал” - **Р.Т.**) и сказал, что не будет больше нарушать лагерный режим”, - свидетельствует запись в одном из архивных документов МВД. Но слуги дьявола не успокоились, они стали перебрасывать зэка с одного

лагерного отделения в другое. И начались новые хождения по мукам о.Захария. С л/о номер 6 его перебрасывают л/о номер 1. Не успел страдалец освоиться на новом месте, как его перебросили в л/о номер 5. С пятого лаготделения его в конце концов перевели в л/о номер 1.

Спустя тридцать один день мученика “знакомят” с л/о номер 2. Затем...

Семь “новоселий” в лаготделениях Абези отметил о.Захарий. Заключение хорошо знают, какое это мучение - частая смена лагерных отделений, особенно для больного человека. Это пытки, издевательства и физические и моральные. Это один из методов убийства в человеке - номерном зэке всего человеческого, превращая его в зомби, в робота.

Через десять лет нечеловеческих страданий и мучений о.Захарий, полуживой, беспомощный инвалид, не способный самостоятельно передвигаться, был выброшен из пасти ГУЛАГа Коми АССР. Ненасытный вампир высосал из него все жизненные соки, но веру его не убил. В мир иной священник Захарий отошел будучи свободным человеком, вскоре после возвращения из ГУЛАГа.

Репрессиям подвергались не только служители культа, но и простые верующие. Молоденькую девушку Анну Кулаковскую привезли в столыпинском вагоне в Воркуту из далекого украинского села Симонов в октябре 1952 года. “Десять лет за АСА (антисоветскую агитацию)”, - таков был приговор Ровенского облсуда. В своем заявлении на имя прокурора Анна Владимировна написала: “Никакой антисоветской агитацией я не занималась. Просто я ходила в церковь в соседнее село и Киев...” В 1952 году вместе с Анной арестовали еще четверых верующих. Их всех осудили “за АСА” и отправили в лагеря. Мучилась Анна в лагерях Воркуты с октября 1952 года по 2 июля 1956 года, не зная, в чем ее вина. Только в 1992 году прокуратурой

Ровенской области она была реабилитирована.

В лагерях Воркуты страдал за Веру и Саблин Иван. Он умер в 1947 году от скоротечного туберкулеза, двенадцать лет отмучившись в Воркутлаге. Для исполнения смертного приговора, вынесенного большевиками Церкви еще в 1917 году, нужно было стереть с лица земли не только служителей Бога, но и верующих, а также детей и родственников священнослужителей. В 1932 году арестовали, а затем уничтожили священника Петра Крестовоздвиженского. В 1938 году арестовали его жену Елену Сергеевну. Восемь лет она находилась Ухтпечлаге (Коми АССР). Затем арестовали Василия Крестовоздвиженского - сына священника Петра, его осудили и доставили в Воркутлаг (из Санкт-Петербурга). В 1956 году Василия Петровича Крестовоздвиженского реабилитировали.

Двенадцать лет мучился в лагерях Воркутлага Петр Семенович Тараенко (осужден в 1935 году), там же сидел номерной зэк Четверухин Серафим. Их вина лишь в том, что они дети священников. И примеров таких множество.

Живет в Воркуте хороший человек и поэт Андрей Попов, он преподает в воскресной школе. В своей статье "Может, кто вспомнит?.." ("Заполярье", 27.11.1993 г.) Андрей написал: "Возможно, кто-то вспомнит и о моем деде Модесте Михайловиче Попове..."

Модест Михайлович был сыном священника Михаила Константиновича Попова (1849-1932) из села Кибра, Сысольского района. Репрессировали его в 1940 году, и его судьба родственникам не была известна до настоящего времени.

Я хочу сообщить Андрею Попову, что мне удалось, работая в архивах Республики Коми, узнать о судьбе его деда следующее: "Попов Модест Михайлович, 1890 года рождения, уроженец Сысольского района, села Кибра,

Коми, умер 29 июня 1942 года. Смерть наступила от пелагры. Место захоронения - отведенное кладбище 1-го лазарета, 1-го отделения Печорлага МВД, пос.Абезь, номер могилы Ж-37”.

Теперь внук Андрей Попов будет знать место захоронения деда Модеста и может приехать в поселок Абезь, чтобы поклониться праху своего деда и положить цветы на его могилу “Ж-37”.

Трагична судьба и Ивана Михайловича Попова, педагога, ученого, исследователя (имевшего духовное и три высших светских образования) - второго сына священника Михаила Попова. Иван Михайлович был арстован и осужден ОСО за КРА (контрреволюционную агитацию) на три года. Срок он отбывал в Воркуте и бесследно исчез...

Был репрессирован и третий сын священника Степан (1873-1945), который служил священником в селе Зеленец Сыктывдинского района. Вместе с ним была арестована и его жена, матушка Людмила.

Впервые за всю историю Воркуты по поименному списку, составленному мною, священник Михаил отслужил молебен вечной памяти мучеников за веру Христову репрессированных священнослужителей. Недавно, в конце октября, панихиду о репрессированных священниках (по моему списку), отслужила и братия Троице-Стефано-Ульяновского монастыря. Списки Новомучеников за Веру, сведения о которых я по крупицам собирала целый год в Коми крае, я оставила в православном молитвенном доме Воркуты и в Ульяновово.

Т.Романькова.

ДВА КРЕСТА

5 октября в Корткеросском районе, в пяти километрах от поселка Усть-Локчим, в сосновом бору с высокого песчаного бугра разносилось окрест молебное пение о

душах убиенных... Большой гроб, обитый красным бархатом, до краев наполненный человеческими костями, опустился в землю. Рядом со священником с непокрытыми головами стояли локчимцы, представители районной администрации и первый заместитель Председателя Госсовета Республики Иван Егорович Кулаков. Опустился гроб в землю. По крышке его застучали комья земли. Отдан последний долг...

Об этих останках жертв сталинских репрессий напомнил жителю Коми москвич - ученый Чирков. До этого он пятьдесят лет безуспешно искал могилу своего отца. Когда, наконец, с помощью Сыктывкарского общества "Мемориал" узнал, что отец захоронен под Усть-Локчимом на кладбище спецлагеря для политических "Нидзь-1", то немедленно выехал из Москвы в Сыктывкар. 13 сентября нынешнего года в сопровождении мемориальцев он приехал в Нидзь. К своему горю, могилу отца он так и не нашел. На месте кладбища москвич обнаружил только глубокий песчаный карьер и разбросанные повсюду человеческие кости.

"...При мне здесь было две зоны: женская, в которой сидело около тридцати человек, и мужская, восемьдесят человек, - вспоминает охранник лагеря М.Е. Игушев. - Сроки у всех от 18 до 70 лет... Хоронили без гробов. Могилы рыли сами заключенные, неглубокие, так, чтобы закидать землей..."

Но и эту землю вместе с человеческими останками потом на протяжении десятков лет раскапывали экскаваторами и увозили, когда на месте кладбища открылся песчаный карьер. Песок в карьере оказался хорошим, так что его использовали потом на протяжении двадцати лет не только отсыпщики лесовозных дорог, но и строители Усть-Локчима, для своих нужд. Кости в песке все видели... и не понимали, что совершают кощунство. Привыкли. Ведь и сам Усть-Локчим частично построен на территории

кладбища, где в годы войны находился еще один лагерь для заключенных. Дома стоят прямо на могилах. Живут в них и потомки тех, кто лег в эту землю.

После обнаружения мемориальцами карьера с костями руководство республики сразу же приняло меры. Первый заместитель Председателя Госсовета Иван Егорович Кулаков дал распоряжение администрации Корткеросского района собрать все косточки до единой, заказал гроб и обетный крест. 5 октября сам выехал вместе с нами в Нидзь. Был заказан автобус и для усть-локчимцев - чтобы они тоже участвовали в захоронении.

Холм, где выкопана братская могила, оказался на краю карьера рядом с сосновым бором в молодых сосенках. Проливной дождь, ливший перед этим два дня подряд, прекратился. Иван Егорович открыл митинг, он попросил прощения у погибших, призвал к уважительному отношению к их памяти. Обещал приложить все свои усилия в издании мартиролога покаяния, куда будет включен каждый погибший в лагерях Коми. Это миллионы жизней. Покаянные слова сказали представители местных администраций, М.Б. Рогачев, другие люди. После захоронения на братской могиле о. Даниил Альтшуллер совершил отпевание.

* * *

В самых отдаленных уголках Коми земли люди находят могилы репрессированных советской властью. В тайге, в глуши. А вот в Сыктывкаре, где также были расстрелы, место упокоения мучеников так и не найдено. Сыктывкарская епархия пыталась выяснить в ФСБ, где похоронены убиенные священнослужители, но безрезультатно. И 23 августа в ограде Свято-Казанской церкви был установлен один общий для всех батюшек поминальный крест... После панихиды епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим сказал: "Это

начало нашей деятельности по увековечению памяти пострадавших от безбожной власти. Они не канонизированы церковью, но мы молимся им как мученикам...”

Промыслом Божиим место для креста выбрано не случайно. После разделения церквей на старую тихоновскую и обновленческую приверженцы тихоновцев по Коми области своим центром сделали кочпонский Свято-Казанский храм. Главой тихоновцев был настоятель кочпонского храма благочинный Коми округа протоиерей о. Федор Веселков, расстрелянный 25 августа 1937 года в стенах Сыктывкарской тюрьмы. Тюрьма эта находилась в центре города, на улице Коммунистической. Шестьдесят лет спустя, в день его мученической кончины, в память о всех новомучениках Коми края в Сыктывкаре прошел Крестный ход от нынешнего кафедрального собора до места, где стоял до 1933 года Троицкий собор. Теперь о главном в Усть-Сысольске храме напоминают только глыбы кирпичной кладки, валяющиеся на склоне. А на месте собора - спортивная детская площадка. И здесь тоже, после панихиды, был митинг. Горечь звучала в словах председателя родословного общества “Орд Пу” М.Д. Игнатова: грехи наших родителей перешли к нам, ибо не было еще всенародного покаяния.

Е. СУВОРОВ.
На снимках: панихида по убиенным (Кировский парк, г.Сыктывкар).

ФЛОР КОЛМАКОВ

- Одевайся, поп. Пора.

Священник оделся и молча последовал за убийцами. Флор догнал их на улице, обнял отца и сказал:

“Расстреляйте меня вместе с папой...” Большевики растерялись. Какое-то время они топтались на месте, не решаясь что-либо предпринять, а потом ушли, оставив отца Феодосия и Флора стоять во дворе.

Наверное, это были не злые люди. Просто они хотели отомстить за своих товарищей. Ожесточение в тех местах дошло до того, что мало стало казаться удара штыком или выстрела. Обе стороны, и красные и белые, стали забивать телами казненных врагов колодцы. За священника просили важгортские крестьяне: “Не трогайте нашего отца Феодосия”. Он был часовщиком, врачом, сапожником, его не просто любили как батюшку, его уважали как мастерового человека. Но коммунисты все двигались и двигались, по инерции, пока слова мальчика, наконец, не остановили их.

Что-то было в этой сцене такое, чего не может выдержать сердце русского человека. Недаром летом того же 18-го года, пришлось вызывать австрийцев и евреев для казни другой семьи, в Екатеринбурге. Там тоже был отец и тоже сын. Но чужакам, убившим царя и его семью, было все равно.

* * *

Дочь Флора Федосеевича Нина рассказывает:

- Папа устроился работать в поселке Щельяюр учителем. На него не переставая писали доносы, в окна камни бросали. Нас, детей, тоже презирали, помню, кричали на улице: “Поп-внучка, поп-внучка”. Это что! Жена священника здешнего сошла с ума от преследований, ходила все по домам, побиралась: “Афанасьевна, Афанасьевна... дай сахару....”

Не раз отцу говорили: “Зачем ты в автобиографиях пишешь о своем происхождении. Ты же себя подводишь и нам трудности?” А он отвечал: “Я никого не боюсь, мне стыдиться нечего”, и во всех анкетах продолжал писать: “Я,

Колмаков Флор Федосеевич, сын священника”. Дедушку папа любил безумно. Очень гордился им. Говорил нам: “Отец у нас человеком был”.

В 37-м году отца уволили из школы и после очередного доноса вызвали в Сыктывкар, в НКВД. Мы корову продали, собрали его. Поехал. Там, в НКВД, была большая очередь. И вот смотрит отец, заходят люди, а назад не возвращаются. И чем дольше он сидел, тем страшнее ему становилось. А на стене там большие, хорошие часы висели. И вот раз он на них посмотрел, время узнать, другой, а стрелки все на одном месте стоят. “Сломаны, наверно”, - подумал отец, а дедушка наш Феодосий Алексеевич в часах знал толк и отцу эту науку передал. Вот и вызвался папа починить часы энкавэдэшные. Ему разрешили. Он с ними легко справился. Тогда другие часы ему принесли, карманные, дорогие, фирмы “Бурэ”. Видать, конфискованные. Он и их отремонтировал. И тогда следователи смягчились. Даже донос дали почитать, который на него знакомый учитель написал. С этим учителем отцу еще пришлось потом на войне столкнуться...

* * *

- После НКВД отца здесь у нас травить поменьше стали, - продолжает Нина Флорова. - Как талантливый педагог, он был назначен директором школы в Сизябск. Оттуда, с директоров, добровольцем ушел на фронт. И так получилось, что доносчик, старый недруг отцовский, оказался с ним в одной части, только писарем при штабе.

Всех подробностей того, что произошло между этим писарем и Флором Федосеевичем дочь не знает. Отец не любил об этом рассказывать. В 42-м году Флор Колмаков был во время Сталинградского сражения представлен к ордену Ленина. Вскоре его тяжело ранило. Когда санитарки вынесли солдата из болота, все решили, что он убит. А домой почему-то пришло извещение: “Пропап без вести”.

Это тогда страшное дело было для семьи, если кто пропадал, становился почти “врагом народа”.

Кто написал это извещение и почему затерялись документы на награду, неведомо. Но когда после войны Флор Федосеевич увидел на груди писаря орден Красной Звезды, то сказал:

- Сними, он предназначен был мне.

И с тех пор тот человек ордена больше не носил. Чего-то сильно испугался.

Ранения не прошли Флору даром. Руки были сильно повреждены и почти высохли. Он очень любил играть на баяне, его на все свадьбы звали, но после войны он уже не играл.

* * *

- Работу свою он страшно любил, - рассказывает дальше Нина Флоровна, - тяжело переносил выходные и праздники. Не мог без дела сидеть. Домой придет и все какие-то схемы чертит, планы по математике, русскому языку. Я сама учительница, знаю, что от него этого не требовалось. Он все пытался обучение усовершенствовать. Людей столь честных я больше не встречала. Как-то раз, когда я только преподавать начала, принесла ему доклад. Там у меня через слово: Крупская сказала.., Ушинский считал.., Макаренко советовал... А отец прочитал это нахмурившись, все вычеркнул и сказал:

- Не годится. О себе нужно писать.

- Папа так у меня же опыта нет, - говорю ему.

- О том и говори. О своих трудностях. Всегда пиши только о том, что хорошо знаешь.

С тех пор я доклады без цитат писала. Еще он очень не любил лесть, если кто из нас, детей, польстит ему, он того наказывал. И сам, естественно, никогда не угодничал. Перепадало ему за такой характер от начальства сильно. Все учителя в районе знали, какой он талантливый человек.

Но званиями, наградами его РОНО всю жизнь обходило. Только вы не подумайте, что он был каким-то мрачным правдоискателем. Нет, совсем нет. Я до сих пор помню, как мы с ним вместе на санках катались, с бани в снег съезжали, хохотали. А мне тогда лет двадцать было, ему пятьдесят. У нас дома так весело было. Каждый на каком-нибудь инструменте играл...

Последние годы папа не директорствовал, перевелся в завучи. Перед смертью прочел Библию от корки до корки и через три дня после этого умер, 6 ноября 1974 года”.

* * *

Где рассказ здесь, где житие... Не знаю. Не о том, о другом думаю. Что было бы, не догони этот мальчик тогда, в восемнадцатом году, отца? Не обними он его, спасая от верной и лютой смерти? Во времена отцеубийц стал ты, Флор Колмаков, заступником отцовским. Такими и останетесь вы в памяти моей - отец и сын. Стойте, крепко прижавшись друг другу. И никакой силе не разнять вас. Потому что третьим, вместе с вами, стоит Бог.

В. Григорян.

“ЛИШЕНЕЦ”

мы теряем что-то безвозвратно - то духовное наследие, которое Неостановимо течение времени... Умирают люди, и все невозможно измерить материальными мерками.

6 июня с.г. ушел из жизни последний представитель старшего поколения моего рода, последний сын священника Стефана Попова. Последний, кто еще сохранял до последних дней своей жизни старый добрый уклад своих родителей, предков - “духовный уклад”, как бы сейчас я его назвала. Не только отец, но и мать его,

дедушки и бабушки были из духовного сословия.

Орест Степанович Попов родился 4 ноября 1909 года в с.Нювчим Усть-Сысольского уезда, был третьим ребенком священника Нювчимской Дмитриевской церкви о.Стефана. В 1911 году семья переехала в с.Пезмог. Сохранился снимок этого периода, где Оресту около трех лет, он сидит на стуле в матроском костюмчике, по моде того времени, а рядом с ним сестра Рая. Большая светлая головка и пытливый не по детски серьезный взгляд. Любимец семьи, как его называла сестра, рос тихим и послушным мальчиком.

В 1916 году семья переезжает в с.Зеленец. Дом священника находился рядом с церковью. Орест еще в детстве посадил вокруг него три тополя, которые до недавнего времени украшали село, выросли выше всех деревьев. Недавно снесли дом и деревья, они умерли раньше того, кто их посадил...

Недолго продолжалось безмятежное детство. Наступил 1917 год, в этот год Орест пошел учиться в школу. Тучи сгущались над отцом. В 1923 году его арестовали, Орест тогда уже учился в Устьсысольской школе II ступени. Вспоминал, как приходилось носить передачи пешком от города до Верхнего Чова сначала отцу, а потом и матери, которую тоже арестовали.

Вот как он сам описал свою жизнь в скупых на слова письмах на родину:

“... Я 1926 году окончил школу II ступени. Рекомендаций и направления в вузы нет: не комсомолец, сын священника, лишенца. Еду поступать в Ульяновский с/х техникум на лесное отделение. Проучился год. Наложили плату за обучение, равную цене за недавно купленный Зеленецкий дом, а мы еще и за него не расплатились полностью.

1928 год. Ленинград. Поступил в техникум печати. Об оплате за обучение не было и речи. Летом, как полагается,

прохожу практику в книготорговых предприятиях Самары. Там же узнаю об исключении из техникума. Еду в Ленинград “качать права”: по какому закону меня исключили, в чем моя вина. Ходил по разным инстанциям. Мне авторитетно разъяснили: диктатура пролетариата выше любого закона. Зачем давать оружие образования в руки выходцев из чуждых классов, потенциальных врагов диктатуры?

Иду по улицам, читаю объявления о приеме на работу (таких мало: была еще безработица), на курсы (таких больше). Захожу на курсы метеорологов-наблюдателей (вспомнил школьный кружок), и сразу: я сын служителя культа, меня исключили из техникума...

Добрый человек, заведующий курсами, прервал меня вопросами, знаю ли я, чьи дети были Чернышевский и Добролюбов, знаком ли со спецификой работы на метеостанциях, направил в экзаменационную комнату и в тот же день я был принят. Вскоре я был назначен наблюдателем Сулакской высокогорной станции в ледниках Дагестана. Летом, когда заготавливали в долинах продукты для зимовки, я прихватил тропическую малярию. Меня отправили обратно в Ленинград, а там - на горную станцию Хибин (Кольский полуостров).

Было жаль расставаться с престижной Сулакской станцией. Там было хорошее по тем временам оборудование, библиотека, программа работ нацеливалась на практическое применение, для создания каскада гидроэлектростанций на реке Сулак. Через год узнаю о гибели сотрудников этой станции при разбойном нападении местных жителей, возбужденных коллективизацией.

В 1935 году подал заявление в Московский заочный Гидрометтехникум.

Анкету надо было заверить в рабочкоме Лоухского совхоза (Карелия). Рабочком сначала приветствовал мою тягу к

образованию, но узнав из анкеты о соцпроисхождении, спросил, где это мне удалось пролезть в профсоюз. Я сказал, что в Старой Руссе, на законном основании. "Оно и видно, что в "старой", - заметил рабочком, но все заверил, как положено. Идет время, нужно уплатить профвзносы. Ответ: "Нет марок, подождите". Жду, снова иду и тот же ответ: нет марок. Наконец, решение: "Вы исключены из членов профсоюза за неуплату членских взносов"...

Не задолго до начала войны работал на Смоленской метеостанции в качестве старшего наблюдателя сельхозгруппы по актинометрии, практически являлся техническим помощником начальника метеостанции...

В 1941 году мобилизовали в Смоленске. Война застала меня на втором курсе заочного Гидрометинститута. Документы после перебросок в стройбате Смоленск - Тамбов - Кемерово - Свердловск растерялись. В 1942 году в результате несчастного случая ампутировали ногу. Пришлось остаться под Свердловском, устроился работать Геофизической обсерватории, занимая должности специалистов в отделе агрометеорологии, отделе аэрологии и в отделе ионосферы.

... Шлю приложения к своим воспоминаниям. Одно из них письмо папы и мамы от 22.02.45г. Для папы это было уже предсмертное письмо. Очень трудно им жилось, горько думать, что мы тогда не могли им помочь как следует, сами были чуть живы. Костыли, кутья кровоточила (рана не зашивалась: сепсис). Образование - лишь заочный техникум.

В 1947 году здесь была организована Гидрометеошкола, в которой я работал сначала по совместительству, а с 1950г. - штатным преподавателем. Этот переход и определил мою дальнейшую жизнь. В 1957 году окончил заочное отделение Университета, нацелился в аспирантуру Академии Педагогических наук, но тут ничего не вышло, сказали, что

надо поработать в школах общеобразовательного типа (министерства просвещения), а не в какой-то узкоспециальной школе, может быть так оно и было, я замолчал, но заочную учебу продолжал. В школе приходилось вести курсы по разным предметам, а потом здесь был образован консультационный пункт Московского Гидрометтехникума.

После выхода на пенсию я еще лет семь принимал небольшое участие в работе Гидрометшколы, а потом окончательно засел дома. Читаю, думаю, обзираю жизнь вообще и свою в частности. Пришел к выводу, что надо выполнять древнюю заповедь: относись к другим так, как желал бы их отношения к себе. Забвение этого правила приводит к массовой деградации морали, нравственного уровня целых поколений”.

Оресту Степановичу так и не удалось повидаться с отцом, на похороны он не смог приехать. Только в 1963 году, почти через 30 лет он смог побывать на родине в Зеленце, посетить родные могилы.

В 1969 году, в связи с юбилеем, в газете “Уральский рабочий” была опубликована статья “Человек щедрой души”. Вот выдержки из нее: *“...Сейчас Орест Степанович Попов занимается педагогической деятельностью. За плечами огромный стаж работы и три высших учебных заведения. Заочно он окончил педагогический институт, Ленинградский институт Гидрометеорологии, Уральский государственный Университет им.Горького. Учеников у Ореста Степановича много. Со всех концов идут письма от воспитанников. Кто хоть раз встретился с этим человеком, никогда не забудет его обаятельности, какой-то огромной человечности. Друзья и ученики Попова просят у него совета, консультируются, делятся успехами в работе...”*

А еще он писал: “Вспоминая свою жизнь, видишь, что и в

серых буднях прослеживается древняя истина: “Будь человеком”.

Человек энциклопедических знаний, про него так и говорили его знакомые, друзья “ходячая энциклопедия”, мог квалифицированно разъяснить по любому вопросу, касалось ли то математики, физики, химии, философии, литературы. Знал три иностранных языка: английский, немецкий, французский, не забывал свой родной язык коми, старался использовать любой случай, чтоб поговорить на родном языке. Всегда интересовался, что происходит на родине. Любил музыку, сам играл на нескольких музыкальных инструментах. Много читал последнее время, особенно Достоевского, размышлял о вере, часто вспоминал отца, детство...

Такая вот судьба сына священника. Последние годы он прожил спокойно, под Екатеринбургом, в местечке Косулино. Тихо скончался на 88 году жизни на руках сына Владимира.

Да будет ему Вечный покой!

А.МАЛЫХИНА.

Фото: 1. с.Пезмог 1912 год. Орест Попов с сестрой Раей.

2. Попов Орест Степанович (1909-1997).

ОТЦЫ И ДЕТИ

77-летие Республики Коми верующие отметили большим крестным ходом, посвященным памяти священнослужителей Коми, погибших в годы репрессий. В воскресенье, 23 августа, после литургии епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим отслужил заупокойную литию по невинно убиенным близ поминального креста, установленного в прошлом году в ограде Свято-Казанской церкви в память всех священнослужителей, погибших в годы репрессий.

Под начавшимся морозящим плачущим дождем крестный

ход от Кочпона прошел до места разрушенного Троицкого собора в городе. Сравнивая Россию с одной семьей, владыка назвал гонителей христианской веры “каинами”, а служителей Божиих “авелями”. В той кровавой мясорубке, которая началась в России после 1917 года, нет побежденных и победителей. Когда в одной семье брат убивает брата, страдает вся семья. Владыка предостерег от мщения и от нового кровопролития.

А накануне, 14 августа, в епархиальном управлении собирались потомки священнических родов. Встреча, на которой было двадцать человек, проходила в кабинете владыки Питирима в непринужденной беседе за чаепитием. Каждый из пришедших рассказал трагическую историю своей семьи, историю своего рода. Во время встречи снова говорили о необходимости организовать музей по истории православия Коми края и найти места массовых расстрелов, подготовить от епархии Книгу памяти о священнослужителях Коми.

В разговоре с владыкой потомки священнослужителей изъявили желание побывать в тех местах, где служили их родители, поклониться праху предков. Так родилась идея съездить с села Иб и Пажга.

20 августа возле епархиального управления потомков священников поджидал автобус “Паломник”. Сам владыка взялся их сопровождать. Среди собравшихся оказался бывший профессиональный экскурсовод Валентина Марущак - внучка ибского священника о.Андрея Попова. Так что было кому рассказать об истории поселений, расположенных вдоль дороги от Сыктывкара до Иба. А Владимир Михайлович Попов, объединивший в себе две ветви священнических родов Вишерских и Поповых, рассказал о всех здешних священниках за 250 лет.

* * *

...После панихиды в ибском храме мы посетили сельский

краеведческий музей, расположенный в бывшей церковно-приходской школе. В прошлом году школа отметила свое 150-летие. Создатель музея - местная учительница-краевед Александра Александровна Куратова. Отцу Георгию она помогает восстанавливать историю церкви. Человек неравнодушный, в память о каждом не вернувшемся с войны односельчанине (900 человек) она посадила деревья и вырастила прекрасный сад на месте бывшего сельского кладбища. Многие из погибших были ее друзьями. Кладбище это тоже имеет свою трагическую историю. Еще до войны местные коммунисты сравняли с землей могилки своих предков и на их месте из кирпича разломанной кладбищенской церкви построили школу. Школа простояла десять лет, потом сгорела дотла. И кладбище превратилось в пустырь.

Иб известен прежде всего тем, что здесь к местным язычникам обратился с христианской проповедью Стефан Пермский. Однако люди не пошли за Стефаном, отчего проповедник назвал это место Худой Грезд. По легенде после этого "худыми" стали называть всех местных людей, получивших впоследствии фамилии Худоевы. А к 500-летию со дня успения Стефана Пермского на высоком холме на месте его первой проповеди потомки тех людей за одни сутки построили часовню в честь святителя Стефана. Ко дню 600-летия святителя эта часовня была восстановлена и превращена в церковь, а год назад при храме был основан Серафимовский женский монастырь. Его настоятельница - матушка Серафима - мать епископа Питирима.

Сестры живут пока в тесноте, в бывшем церковном настоятельском доме. Встретили они нас хлебом-солью, пригласили к столу. И попотчевали монастырскими соленьями, вареньями, свежей рассыпчатой картошкой со своего огорода, огурчиками, помидорчиками. "Вы уж не

обессудьте, у нас монастырь бедный”, - извиняется настоятельница. На самом деле весь стол уставлен...

* * *

А потом были воспоминания. Хорошо вот так сидеть и беседовать в обители - тихо и мирно на душе. Запомнился мне рассказ о чудесных явлениях Параскевы Пятницы.

- Одной старушке она являлась, Марии Никифоровне Сямтомовой. Ей сейчас 94 года, - рассказала местная жительница Нина Михайловна. - В то время старушка жила в Чулибе, тут, неподалеку, рядом с разрушенной кладбищенской церковью Параскевы Пятницы. (Ее взорвали еще до войны). В ночь на каждое Рождество святая Параскева являлась нашей старушке во сне в летнем платье. Говорила, что из дома ее выгнали, а дом сломали. Что теперь она живет под елью, стоящей рядом с разрушенным храмом. Святая мученица говорила, что ель - это ее дом, и просила, чтобы ее не забывали и приходили к ней. “Тебе не холодно в летнем платье?” - спрашивала ее бабушка. “Нет, не холодно” - отвечала святая. И вот после этих явлений женщины стали приходиться на праздники под ель, читать акафисты. В прошлом году на Параскеву молебен с акафистом служил там и отец Георгий. А на нынешнее Рождество старушке приснилось, что церковь вновь стоит, ограда каменная цела, а вокруг церкви праздник идет, ярмарка. Как было раньше, до революции, когда ей было 12 лет.

Явления Параскевы были здесь и раньше. Вот что сообщают народные предания. В глубокой древности, когда на этом месте были лишь непроходимые болота и леса, икону великомученицы Параскевы нашел на елке крестьянин ближайшей деревни Ель. Икона стала творить чудеса и почитаться. Сама святая великомученица являлась трижды около ели в три первые пятницы Петровского поста и указала поставить для нее здесь дом. Местные жители

срубили часовню - туда и поместили явленную икону. В 1678 году на месте часовни построили деревянную церковь, а в 1896 году - красивый каменный храм. Икону украсили дорогой серебряной ризой, которую впоследствии вызолотили в Петербурге. В дни праздников - на первые три пятницы Петровского поста, на Великомученицу Параскеву (10 ноября) - к иконе стекалось большое количество молящихся из близлежащих и дальних сел, из Вятской губернии, отдаленных концов Устьсысольского и Яренского уездов. В каждом доме на постоя останавливалось по четыре семьи. В церковь на службы народ не вмещался, стояли внутри ограды. После службы у ограды была большая ярмарка.

И ныне происходят удивительные случаи молитвенной помощи святой мученицы. В сельской церкви есть список с явленной иконы, который помогает страждущим. Рядом с разрушенным ее храмом издавна бьет источник святой Параскевы с целительной водой.

Вообще же целительных источников в Ибе, раскинувшемся по высоким горам на 15 километров вдоль Сысолы, много. Местные жители насчитывают их 12. На одном из них, Преображенском, мы побывали. У каждого источника своя история, свои предания. Почти около каждого раньше стояла часовня. Сейчас часовни находятся в полуразрушенном состоянии, источники запущены и забыты.

Но милостью Божией они продолжают являть чудодейственную силу. Так случилось с источником святого Феодосия Черниговского. Когда началась война, у местной жительницы Евдокии Ивановны Муравьевой все лицо покрылось болячками - случилось это на нервной почве, после того, как мужа забрали на фронт. Врачи вылечить не смогли - "неизвестная болезнь". Тогда ей приснился седой старец, который привел ее на горку под

деревней Кулига и показал на источники. “Вот моя вода. Это купальня для младенцев, это для взрослых. Дай гостинец и лечись”. Вскоре Евдокия нашла этот источник, три раза помылась и исцелилась. Потом ей старожилы сказали, что это источник Феодосия Черниговского. Вверх по тропиночке в деревне раньше стояла часовня в честь этого святого.

О некоторых необыкновенных случаях в Ибском монастыре рассказала нам матушка Серафима:

- ...24 июля в прошлом году у нас Ангелина кирпич складывала. А рядом с церковью мы кедры посадили. И вот она повернулась, видит - на третьем кедре загорелась лампадочка. Откуда на дереве появилась лампада, непонятно. Потом она исчезла.

- Еще в праздник Петра и Павла был случай,- продолжает настоятельница. - Сестры с утра молились в храме, и на иконе Петра и Павла появилась и скатилась капля. Сам батюшка не поверил своим глазам. “Я, - говорит, - никогда ничего такого не видел”. И тут рядом, прямо на наших глазах, образовалась еще одна капля. Батюшка стал брать кисточкой и помазывать. Всех помазал, как раз на всех хватило, и течь перестало. Мы взяли икону и крестным ходом до Вознесенской церкви понесли...

Как я потом узнал, у матушки Серафимы есть и своя чудотворная икона - Смоленской Божией Матери “Путешествующая”. Она повсюду сопровождает ее в дороге и постоянно являет мироточение.

* * *

На обратном пути из Иба мы заехали в село Пажга. В числе родственников последнего священника пажгинской Успенской церкви о.Михаила Вишерского оказалась его родная племянница, народная артистка Республики Коми Софья Сергеевна Ростиславина, недавно отметившая свое 78-летие. Ее отец, также священник, о.Сергий Ростиславин

служил в нескольких местах. Из-за этого все ее сестры и братья родились в разных селах. Старшая сестра Софьи Сергеевны родилась в Пыелдино, младшая - в Сыктывкаре, один брат в Керчомье, другой - в Чупрово, а она сама появилась на свет в Ужге. В эту поездку Софья Ростиславина поехала вместе со своей двоюродной сестрой Галиной Вишерской.

Сестры, к печали своей, не нашли даже дома дяди. Его снесли в 1992 году за ветхостью. А огромный благолепный храм еще в шестидесятых годах был перестроен под сельский клуб. До сих пор здание не передано церкви и пустует. Хотя Господь уже неоднократно показывал, что помещение храма предназначено не для танцев и концертов, а для богослужений. Два года назад во время празднования 600-летия Стефана Пермского через Пажгу из Сыктывкара в Иб шел крестный ход. На ночь остановились в Пажге. Перед местными властями верующие поставили вопрос о передаче храма, и те в очередной раз отказали. На следующий день поднялся ураган и снес крышу с клуба. Ту самую, что была построена когда-то вместо разобранной церковной крыши с куполами и крестами. Любопытно, что рядом ни один дом не пострадал от урагана. Чудо это, по словам местных, случается уже не в первый раз.

Сейчас прихожане ютятся в маленькой молитвенной комнате, которая располагается в одном из классов бывшей церковно-приходской школы. Она стоит рядом с церковью. В этой молитвенной комнате, полностью уставленной старинными иконами, владыка Питирим отслужил панихиду по всем священникам Пажги. Сам звонил в единственный сохранившийся церковный колокол, голос которого не потерял звучания за долгие годы разрухи.

Е. СУВОРОВ

ГОВОРЯЩИЕ ФАМИЛИИ

Покровский, Спасский, Георгиевский, Флоренский,

Успенский... Да разве это коми фамилии? Даже не русские, скажет неискушенный в филологических науках читатель. А между тем эти фамилии довольно часто встречались с начала XIX века в Коми крае, и были среди их носителей коми люди. Как же это произошло?

В основном эти фамилии носили люди духовного сословия. Фамилии духовенства имеют много искусственных образований, специально придуманных руководством семинарий для именования будущих священников. Большинство фамилий священников создавалось в XIX веке. До этого иереев обычно именовали отец Александр, отец Василий, батюшка или поп Иван, при этом никакой фамилии не подразумевалась. Тем более, не именовались по фамилиям монахи, или черное духовенство. Их называли по именам, нередко предваряя имя названием монашеского чина: иеромонах Феофил, архимандрит Варлаам.

Фамилии духовенства создавались на основе лексики, так или иначе относившейся к Церкви и церковной службе. Прежде всего были фамилии, образованные от названий всех самых главных праздников: Воскресенский, Вознесенский, Успенский, Рождественский, Покровский и т. д. Часто давалась в духовной среде фамилия Субботин, поскольку несколько суббот в году были днями особого поминовения усопших.

Многие священники, и в особенности их дети, получали фамилии от названий церквей, где они или их отцы служили: Ильинский, Сергиевский, Предтеченский и т. д. Ряд фамилий связан с названием икон: Знаменский (икона Знамение Божией Матери), Вышенский (Вышенская икона Божией матери). С названием икон связаны фамилии Державин и Державинский (икона "Державная"), Достоевский (икона "Достойно есть"). Некоторые фамилии связаны с географическими названиями: Вишерский - (коми

река Вишера).

Интересную группу фамилий, оканчивающихся на -ский, представляют фамилии духовенства, образованные от русских слов, переведенных на латинский или греческий языки и оформленных русскими суффиксами. Иной раз с этой целью используется основа уже существующей русской фамилии. Например, из фамилии Надеждин получается Сперанский (от латинского сперо - надеяться), из фамилии Песковский - Аренский (лат. арена - песок) и т. д.

Многие фамилии на -ский образованы от различных форм личных имен. Число таких фамилий очень велико, а встречаются они редко, из-за чего могут показаться не вполне русскими, непривычными, тем более, что связь таких фамилий с исходной основой не всегда понятна. Так, если фамилия Иванов однозначно соотносится с именем Иван, то Ивановский может быть образована и от имени Иван, и от фамилии Иванов, и от географических названий Иванов хутор, Иванова слобода, а также от названий церковных приходов в честь многочисленных одноименных святых.

Так, если обратиться к образованию фамилий в Коми крае в среде священнослужителей, то можно найти такие примеры:

1. У священника Василия Попова, уроженца с.Визинга (1794 г.р.), служившего в Спасской Киберской церкви, сын Дмитрий (1816 г.р.) носил фамилию Спасский, вероятно, по названию церкви в с.Кибра (ныне с.Куратово). Все потомки Дмитрия Спасского унаследовали эту фамилию.

2. У священника Георгия Попова из с.Визинга (1775 г.р.) один из сыновей Евгений (1812 г.р.) носил фамилию Афанасьевский. А его двоюродный брат Михаил (1814 г.р.), сын дьячка Визингской Троицкой церкви Василия Попова, при поступлении в Вологодскую духовную семинарию

получил фамилию Георгиевский, служил в г.Усть-Сысольске в Троицком соборе(1838-1854гг.), затем произведен в протоиерея и приставлен к Яренскому Преображенскому Собору. Все его дети унаследовали эту фамилию. Другие же его братья и сестры продолжали носить фамилию отца - Попова.

3.У священника Петра Попова из с.Пыелдино (1779 г.р.) сын Иван (1811-1846 гг.) носил фамилию Покровский.

4.У священника с.Вишера Ефима Попова (1772 г.р.) сын Василий (1809-1849 гг.) служил священником в этом же селе и носил фамилию Вишерский. И доньне потомки его носят эту фамилию. Внук отца Василия - Михаил Филаретович Вишерский - до 60-х годов нашего века служил священником в с.Кочпон.

5. Священник с.Зеленец Богоявленской церкви, отец Иоанн (1820-1860 гг.) родился в с.Корткерос и носил двойную фамилию Попов-Корткеросский.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТИЯ

Классная дама Усть-Сысольской женской гимназии Эмилия Михайловна Галахова, преподавала немецкий язык. 1916-й год (фото сканировано с газеты)

Теперь всё чаще говорят о платном обучении в школах и институтах. Одновременно происходит расслоение среди людей: одни богатеют, другие нищают. Некоторые оправдывают это так: «Мы возвращаемся к старому доброму времени, ведь в дореволюционной России тоже были богатые и бедные». И забывают, что Россия была другой, она была ХРИСТОЛЮБИВОЙ. Социальная несправедливость частично сглаживалась благотворительностью людей, воспитанных в Православии. Тому пример - Общество вспомоществования нуждающимся учащимся женской гимназии г. Усть-Сысольска. Кандидат исторических наук, доцент СГУ О. Е. Бондаренко подготовила для нас историческую справку:

«Ровно девяносто лет назад (в марте 1902 г.) вологодский губернатор утвердил устав Общества вспомоществования, созданного на Педагогическом совете Усть-Сысольской женской прогимназии. В состав правления были избраны: член окружного суда Попов, председатель земской управы Беляев, учитель-инспектор городского училища Малышев и

учительница гимназии Забоева. Забегая вперёд, следует сказать, что в 1907 году попечитель С.-Петербургского учебного округа объявил Антонине Ивановне Забоевой благодарность за полезную и безвозмездную деятельность в должности казначея Общества вспомоществования нуждающимся учащимся. В 1914 г. она за отлично-усердную и полезную деятельность по Министерству Народного Просвещения была награждена серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Александровской ленте.

В состав Общества вошли преподаватели прогимназии, а затем гимназии, могли вступить в него и все желавшие. 12 рублей послало на вспомоществование нуждающимся учащимся семейство Косолапова - управляющего Кажимскими заводами. Учителя, получавшие довольно жалкое жалованье, поспешили помочь нуждавшимся учащимся: свои взносы по одному рублю посылали К. Гуляев из Межадора и А. Вешняков, заведующий двухклассным училищем Визинги. Общество потребителей г. Устьсысольска выделило 25 рублей. В дальнейшем в Общество входили практически все преподаватели гимназии, инспектора народных училищ, священники (И. Попов, А. Малевинский, А. Богословский, Д. Попов), также привлекались к участию лесопромышленники, производившие лесозаготовки в Коми крае (Пеп, Шергольд, Майер, Линдес). На протяжении ряда лет уплачивали членские взносы А. А. Цембер и устьсысольский уездный исправник В. И. Синявский. Устьсысольские купцы Комлины, Забоевы, Оплеснины, устюжские купцы Дербенёвы...

Среди членов этого Общества мы встречаем земского врача В. А. Шмелёва и его жену. Участвовал в нём и Михаил Павлович Успасский - статский советник, кандидат богословия, окончивший Петроградскую духовную

академию. С 1902 г. он учительствовал в Усть-Сысольском духовном училище, с 1906 г. был инспектором народных училищ уезда. Он свободно владел коми языком, был энтузиастом своего дела.

С 1909 г. и до 1916 г. председательствовала в Обществе Елена Леонидовна Шмелёва, дворянка, дочь подполковника. Она имела троих детей, сама обучала их. За работу в воскресной школе города была награждена золотой медалью с надписью «За усердие». Свои обязанности в Обществе она исполняла бесплатно.

Численность членов Общества с течением времени увеличивалась и в 1915 году составила 126 человек.

Средства Общества вспомоществования состояли из членских взносов, из денег, вырученных от постановки спектаклей, собранных по подписному листу, из платы за пользование роялем гимназии. Были и пожертвования разных лиц, но они составляли небольшие суммы денег, например, в 1914 г. С. И. Охлопков пожертвовал 130 аршин ситца, 64 аршина гардинного тюля для окон, клеёнку для обеденного стола... Доход Общества вспомоществования с 74 р. 99 к. (1904 г.) возрос до 264 р. 20 к. (1914 г.), более половины средств было получено от Усть-Сысольского уездного земства.

В основном Общество занималось материальной поддержкой учениц из крестьянского и мещанского сословий, которые составляли большинство среди учащихся. Так, в 1904 г. правление оказало помощь 96 воспитанницам прогимназии, из них 70 получили пособие одеждой, обувью и письменными принадлежностями, 23 пользовались бесплатной квартирой с отоплением и освещением, 3 получили пособие деньгами.

В прогимназии обучались дети крестьян из различных селений Коми края. Многим из них было не по карману снимать частные квартиры. Жительница города А. М.

Гуляева часть дома (4 комнаты с кухней) сдала под ночлежное помещение для 32-х учениц из Кочпона, Чита, Вильгорта. В отчёте Общества за 1904 г. отмечалось: «...Ученицы принуждены, за неимением отдельных кроватей, спать по несколько на одной кровати. Питание их тоже не может быть названо удовлетворительным». В 1914 году Общество получило здание под общежитие. К тому времени для гимназии было построено новое здание, а старое передали под жильё. Быт учениц намного улучшился. Все проживавшие там получали горячую пищу к обеду и ужину, а также чай. Окружной инспектор, побывавший в 1913 г. в Усть-Сысольской женской гимназии, писал: «Обед и ужин обыкновенно состоит из супа, каши или жаркого и молока. По праздникам, хотя и не всегда, выдаётся ученицам белый хлеб к чаю, ввести же белый хлеб в ежедневный обиход является пока неосуществимой мечтой правления Общества. Местными обывателями к празднику посылаются для учениц, общежития булки, конфеты, а к Пасхе яйца, куличи и сырны пасхи».

Нуждавшимся ученицам выдавались форменные платья, башмаки, валенки, зимнее пальто, платки суконные, юбки бумазейные, фартуки, пелерины, бельё, чулки. Вот один из примеров. В октябре 1908 г. казначей правления А. И. Забоева доложила, что «три ученицы - Цивилёва Мария, Вахромеева Александра и Цивилёва Христина крайне нуждаются: первая из них только что поправилась после брюшного тифа и нуждается в усиленном питании, между тем мать её настолько бедна, что нуждается в хлебе, у второй отец - бывший почтово-телеграфный чиновник - в безвестной отлучке, и мать одна бьётся с 4-мя малолетними детьми, и у третьей - отца в живых нет, мать бьётся с 5-ю малолетними детьми, за неимением хлеба младших двое собирают милостыню». Решено было выдать каждой из

этих учениц единовременное пособие к празднику Рождества Христова.

К сожалению, не известно, когда Общество прекратило деятельность. Можно предположить, что в 1918 г., когда женская гимназия была преобразована в советскую школу второй ступени...»

О последних днях гимназии осталось воспоминание бывшей воспитанницы Раисы Степановны Поповой, которая училась там с 1914 года, приехав из села Пезмог:

«Когда мне исполнилось 13 лет, в 1917 году наступила февральская революция. Мы, гимназистки, вместе с гимназистами мужской гимназии, которые пришли за нами в женскую гимназию с красными флагами, вышли на улицу, где уже целая толпа народа шла с лозунгами и пением революционных песен. Мы слились с ней и целый день ходили вместе по городу, хотя очень мало ещё разбирались, в чём она заключалась. Основное для нас было: «Свобода, царя нет», а что дальше, кто брал власть, мы не понимали.

Нас слили вместе с гимназистами, школу переименовали в школу II ступени. С осени в школе перестали преподавать Закон Божий, появились новые предметы, новые учителя, изменилась и дисциплина в школе. Старые учителя были заменены новыми, молодыми, которые первое время как бы заискивали перед учащимися. Не требовали дисциплины на уроках, не были требовательны к знаниям учащихся, ставили всем подряд «удовлетворительно», что, конечно, после строгой учёбы в гимназии под руководством требовательной начальницы гимназии и учителей гимназии, сразу, как ослабевшие вожжи, распустили учащихся. В школу ходили, а уроков не готовили, на уроках не слушали.

Об октябрьском перевороте первое время мы не слышали, или просто не понимали, в чём разница. Только весной 1918 года стали приходить агитаторы в школу и разъяснять о значении советской власти. Только при праздновании

первой годовщины Октябрьской революции мы сознательно стали понимать, что дала Советская власть для народа. Когда все улицы, здания внутри и снаружи были сплошь украшены гирляндами из пихты, перевязанными красным кумачём или лозунгами. Больше всех в украшении участвовали учащиеся, три дня не занимались, а плели гирлянды и развешивали в заданном участке.

Мы с осени 1919 года почти всем классом вступили в члены комсомола. Вдруг слышим, что на Усть-Сысольск идут белые под командованием губернатора Латкина. Из Усть-Сысольска, не имея регулярных войск, коммунисты отступили вверх по Вычегде.

...Через день въехали белые. Латкин собрал митинг на площади... Через несколько дней мы явились в школу, а там всё перемешалось, опять вернулась начальница, старые учителя, законоучитель, внесли иконы и объявили сбор на молитву перед началом занятий в верхнем зале, но... все попрятались по своим классам. Вернуть старую дисциплину уже не удалось. Не прошло двух недель, смотрим, все старые учителя куда-то исчезли, и нам разъяснили, что вернулись красные».

Выпускница женской гимназии прожила достойную жизнь. Потеряв возможность продолжать образование (её отец был священником, о чём советская власть знала), она учительствовала в коми сёлах, родила и воспитала восьмерых детей, дважды была награждена медалью «Материнская слава». Скончалась недавно - в 1986 году. Как сложилась судьба других воспитанниц? Очевидно, что воспитание в устьсысольском «училище благочестия» запечатлелось в их жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Святые деды (Ардалион Пономарев) – 1*
Во имя твое (Григорий Пономарев) – 9
Воркута (автор Романькова) – 25
Два креста (Усть-Локчим лаг) – 34
Флор Колмаков – 37
«Лишениец» (Орест Попов) – 42
Отцы и дети (паломничество) - 47
Говорящие фамилии (колокольные) – 54
Училище благочестия (Раиса Попова) – 57

Примечания